

Сесть за эту книгу меня побудило недавнее со-
общение о том, что скоро, очень скоро у нас будет
новая история, независимая и объективная, в ко-
торой будет восстановлена историческая правда.
Новая история Гражданской войны. Мы, правда,
это уже проходили, помнится, не так давно, один
кудрявый круглоглазый «политик» с высокой три-
буны заявил, что Победа в Великой Отечествен-
ной войне произошла в результате массового ге-
роизма народа, вопреки воле руководства страны.
Мавзолей занавесили власовским флагом, и по-
неслось! Фильм за фильмом, торты на лице гене-
ралиссимуса, урки, как главные герои прошедших
боев, тупые злобные «орки-энкаведешники», еще
более тупые и беспросветные «комиссары» и «пар-
тократы», массово вывозящие в тыл свое имуще-
ство вагонами и самолетами. И... нулевой эффект.
Хуже того, резко отрицательный: рост популяр-
ности Верховного Главнокомандующего маршала
Сталина, роль «руководящей и направляющей»
оказалась весьма значительной, а главное, все
прекрасно понимают, что «вопреки» можно толь-
ко предать: память, Родину, народ. А чтобы побе-
дить — требуется концентрация ума, общая на-
правленность на Победу и готовность экономики

к невероятному напряжению. То, что отсутствует у современных «хозяев страны». Им бы украсть побольше, да успеть на последний самолет.

Решили рыть глубже! Подорвать, так сказать, основу того строя, который обеспечил 9 мая 1945 года. Нас всех, с одной стороны, усиленно подталкивают к новому противостоянию 1917–1922 годов, это требуется «нашим партнерам», так как уже списанная в «бензоколонки» великая держава остается «великой военной державой», а запас разработок 1964–1991 годов оказалось легко вытащить из загашника. Партнеры чуточку поспешили с переносом границ НАТО и с провокациями на наших границах. Пришлось немного «обидеться» и подумать о том, что дело может кончиться тем, что последний самолет уйдет без основных действующих лиц, и они останутся один на один с теми, кого они ограбили. А их — много! Даже если каждый даст щелбан, то голова просто не выдержит. Вот нас и пытаются, со второй стороны, напугать «бессмысленным русским бунтом», а с третьей, внушить нам, что частная собственность неприкосновенна, даже если она получена преступным путем. Награбим чуть побольше, и станем меценатами. А Уголовный кодекс говорит нам, что «Вор должен сидеть в тюрьме!», а не в кресле премьера. Или это герой какой-то книги? Не помню, но это мы уже тоже проходили.

Есть у нас в старом семейном альбоме фотография, сделанная в большой комнате большого дома на берегу Зеи, неподалеку от Благовещенска. Де-

сять человек, пять мужчин и пять женщин. Трое из них в казачьей форме с широкими лампасами, самый старший сидит, демонстрируя Георгиевские кресты и положив обе руки на шашку. Справа и слева стоят двое молодых, они еще в гимназических мундирчиках, а старшие стоят, картинно положив левые руки на оголовки своих шашек. У одного Анна и Станислав, он — помладше, чуть больше 20 лет, у старшего — четвертый Георгий, за десять лет выслуги, и Станислав 2-й степени, ему около 27–30 лет. И у обоих аксельбанты на плечах. Лето 1914 года, перед началом мобилизации двое старших приехали за пополнением Лейб-гвардии Собственного Е.И.В. конвоя, формировали 5-ю сводную сотню. Отобрали всего 30 человек из двух полков Амурского войска и уехали. Звали их Василий и Дмитрий. Младшие Илья, 12 лет, и Иван, 10 лет. Больше семья вместе никогда не снималась. Судьба старших братьев осталась неизвестной, хотя конвой Николая II непосредственного участия в боевых действиях Первой мировой не принимал. К февралю 1917 года были живы оба, что произошло с ними дальше — никому выяснить не удалось. Но этого дома больше нет в Петровском. Прадед, прабабка и все сестры убиты «семеновцами», точнее, «калмыковцами», дом сожжен. Дело оказалось в том, что в Антанту, кроме Англии, Франции, России и Италии, входили и другие страны. В том числе Япония в Первую мировую воевала на стороне Антанты. И когда 12 января 1918 года во Владивостоке высадились японцы, Николай Васильевич, отец семейства, сразу сказал, что «эти просто так отсюда

не уйдут». Началом интервенции послужило «убийство двух японцев» во Владивостоке. 5 апреля 1918 года японская армия высадилась в городе, вслед за ней высадились англичане. На тот момент по всей территории от Иркутска до Тихого океана была установлена Советская власть. Сделал это небезызвестный поручик, левый эсер, затем коммунист Сергей Лазо, который начал в Красноярске, потом перемещался по железной дороге, пока не дошел до Тихого океана.

Тогда, в 18-м году, пересеклись пути гимназиста Ильи и товарища Булыги, создателя комсомольской организации в Забайкалье. Настоящая фамилия этого человека была Александр Александрович Фадеев. Вначале Илья, а затем и Иван вступили в Коммунистический Союз Молодежи, а так как были из казаков, а это сословие имело на руках оружие и с раннего детства обучало своих детей умению владеть им, то их приняли сначала в Народную дружину Благовещенска, с помощью которой при поддержке отряда товарища Лазо 25 февраля 1918 года в Амурской волости и в городе Благовещенске бескровно была установлена Советская власть. А затем, уже после того, как начался «чехословацкий мятеж», они оба оказались в организованном Советом народных депутатов партизанском отряде, действовавшем в Амурской области.

К этому моменту Амурское казачье войско, развернутое по военному времени в 2 конных полка (12 сотен), 1 гвардейский взвод, 5 особых и 1 запасная сотен, 1 батарею (всего 3,6 тыс. че-

ловек), насчитывало почти конную дивизию, если бы не одно «но». Во-первых, не хватало лошадей. Большинство дворов имело одну лошадь в хозяйстве. В ходе войны тыловое войско лишилось всех «излишков». Пахотной земли на душу населения было две трети десятины. Атаманом Амурского войска числился кадет Гамов, депутат IV Государственной думы. Местный учитель, закончивший четырехлетнее городское ремесленное училище и педагогические курсы. Активный участник Февральской революции, которого Временное правительство поставило «командовать» войском. Командовал, правда, не слишком долго, 6 марта 1918 года был вынужден бежать на правый берег Амура в Сахалин.

Николай Васильевич, оборонявший Порт-Артур, не только благословил обоих сыновей, но и полностью снабдил их снаряжением, амуницией, лошадьми и оружием.

— С чжурчжэнями, даурами, гиляками да айнами мы всегда договоримся, а вот япошки — народец подлый. Мира с ними не будет. Цинам они красивую жизнь уже устроили, теперь за нас принялись. Гнать их надо с нашей землицы, — сказал он на Пятом войсковом круге, собравшемся выбрать нового атамана. Но договориться тогда казакам не удалось: из-за Амура воду мутит инородец Гамов, к нему начал присоединяться целый хор тех, кто поставил на 72 тысячи штыков оккупационного корпуса японцев, чтобы вернуть свои рудники, мануфактуры и рыбные промыслы. В Монголии и во Внутренней Монголии набирал силы атаман Семенов.

Илья, вместе с отрядом Лазо, успел понюхать пороху на новом фронте: Даурском. Бурят-монгольский полк Семенова был оттеснен, ушел в Маньчжурию. Пока у него всего 900 сабель и нет артиллерии. Но ходят слухи, что у него уже побывали японцы, и он договорился с ними об организации ОМО — особого маньчжурского отряда для свержения Советской власти.

Но беда пришла не оттуда! Накликали ее бывшее Временное правительство и их пламенные союзники: французы. Их потери в боях с немцами были огромны, и «их уже не хватало в колоннах по восемь, героям наскучил солдатский жаргон». Поэтому в лагерях для военнопленных австрийцев развернулась агитационная работа среди бывших жителей Австро-Венгрии: «Желающие сменить холодную Россию на теплую Францию два шага вперед — марш!» Тут же, как чертик из бутылочки, появляется «первый президент» Чехословакии Томаш Масарик. Пошли поставки вооружения для нового корпуса, да вот беда, линия фронта сплошная, турки перекрыли проливы. И господин Керенский предложил вывезти корпус через Владивосток. Да не успел! Его временное состояние закончилось. Объявлен Брестский мир, Центральная рада подписала его даже раньше, чем РСФСР, в десны расцеловавшись с германским императором. А немцам было невыгодно появление свежего корпуса на Западном фронте. Они обвинили РСФСР в нарушении Брестского мира и потребовали остановить переброску корпуса. Кстати! А кто им об этом сказал? Ну, видимо, нашлись хорошие люди,

решившие немножко насолить революционной России. Пришлось Чичерину требовать остановить переброску корпуса и его разоружения. Вот только некому было выполнить эту команду. Армия России развалилась несколько ранее, и все разошлись по домам! «Шабаш! Навоевались!» — сказали тыловики и забрались на печку под бок к женкам. 25 и 27 мая 1918 года, отразив попытки разоружить эшелоны, корпус перешел в наступление. Быстрота, с какой рухнула на огромных территориях советская власть, образование новых правительств (Сибирь, Самара, Владивосток, Екатеринбург), ориентировавшихся на прежних союзников и желавших создать вместе с ними новый фронт против большевиков, возбудили надежды, и, с согласия Антанты, основная часть ЧСК вернулась к Волге и Уралу для открытия военных действий против Германии, Австро-Венгрии и большевиков. 29 июня 1918 года во Владивостоке была свергнута Советская власть. Командующий Забайкальским фронтом Сергей Лазо находился в районе Читы, сил у него было... в два эшелона помещались. Связь с центром прервалась, так как кто-то очень удачно расположил чехословацкие части вдоль всей Сибирской железной дороги, и взаимодействовали они просто великолепно. Удар по молодой республике был нанесен молниеносно, в самом неудобном месте. Требовалась чья-то помощь!

И тут командующему Забайкальским фронтом просто неслыханно повезло! 11 мая в Харбин из Америки прибыл знаменитый киногерой и любовник последних лет вице-адмирал Колчак! Правда,

с Семеновым ему договориться не удалось, и тот будущего «Верховного правителя России» через Маньчжурию не пропустил. Тому пришлось ехать на поклон к японцам, затем, как «частному лицу», проехать по Амурской железной дороге, где он убедился в том, что японцы держат все города по дороге. К тому времени в Уфе возникла Директория, под управлением Н. Д. Авксентьева, В. А. Виноградова, В. Г. Болдырева, П. В. Вологодского и В. М. Зензинова. Правда, наступающая Красная Армия уже через две недели вынудила «правителей» и «министров» быстренько паковать чемоданы, а по дороге у них лежал Омск, к которому неторопливо подъезжало «гражданское лицо». В это время отряды Лазо активно противостояли вылазкам атамана Семенова в южной Даурии. 4 октября 1918 года Директория резко поменяла свой состав, и новый Верховный правитель России уже полный адмирал Колчак принял решение идти на Архангельск за оружием. Роль тарана досталась, само собой разумеется, чехословацкому добровольческому корпусу. Главная ударная сила контрреволюции сама поехала на запад, навстречу своему счастью!

Понеся в боях довольно значительные потери, корпус был отведен с фронта и занял линию железной дороги между Новосибирском (Ново-Николаевском) и Иркутском, предоставив возможность красным партизанам успешно формировать и готовить свои отряды. Сергей Лазо, выполняя решение СибРевКома о переходе на нелегальное положение, ушел в тайгу в районе станции Зилово, и его отряды росли как на дрожжах.

Илья и Иван были откомандированы им в район Благовещенска, так как японцы там нанесли сильный удар, в результате которого погибло более трехсот человек из Ивановского партизанского отряда. Требовалось вновь настроить людей на борьбу, и активнее противостоять вылазкам Гамова и его карателей.

В «отряде» было всего двадцать человек, двенадцать конных, шесть саней, двое из которых были вооружены станковыми пулеметами. Одни сани использовались только для перевозки продовольствия и боеприпасов. Так как «нелегально» пройти марш в тысячу с лишним километров невозможно, то для участия в нем отобрали только казаков-амурцев и снабдили их документами, «заверенными» на станции КВЖД Борзя. Была в августе такая возможность, когда сама станция находилась в руках Красной Армии. Несколько сложнее было доставить боеприпасы, в основном потому, что везде ощущался дефицит патронов, а особенно гранат и тола. Переход на партизанские действия требовал активизировать нападения на поезда. Экипированы все были достаточно хорошо. Семеновцы «предоставили» и знаки различия, и свои бланки документов. Требовалось «отойти» от тех мест, где базировались партизаны, и где-то в районе Таптугоры погрузиться на поезд до Благовещенска. Через Зилово поезда ходили, но если сесть там, то уже в Кислом Ключе можно ожидать высадки и расстрела. Никакие бумажки не помогут. В Кислом Ключе стоял японский гарнизон и действовала контрразведка Колчака.

Дабы не плутать, двинулись к истоку реки Кара, с целью выйти к поселку Солдатка, где можно успешно обменять ртуть и муку на золото. Рудник заброшен, весь инженерный состав выехал в Харбин, но рабочие остались и есть «наводка» на человека, который продолжает «стараться» и в беде не оставит.

Морозы и ветра сделали путешествие просто невыносимым. Лишь когда миновали второй перевал и вышли к Пильной, удалось немного отогреться на бывшей лесопилке. Вечером, правда, чуть до стрельбы не дошло: дымом заинтересовались «жильцы» Верхней Кары и решили малость пошукуйничать. Места здесь глухие! Закон-тайга, медведь-хозяин. Но молодцы поняли, что имеют дело с отрядом казаков, неплохо вооруженным, поэтому вовремя остановились.

— Пошто сюда-то потащились?

— Сказывают — красные на дороге. В Поповке добры люди казали, шо бес портков останемся али загребут себе. Не любят оне тех, кто с Семеновым якшался. А мы — народ служивый, нам казали, мы — пошли, но идти зимовать в улус — не пойдём. Домой пойдём, навоевались.

— И куда?

— Амурские мы, круг решил распустить войско. Как круг решил — тому и быть.

— Мука есть?

— Алтын бар?

— Ну, нема, так, мелочь. Песком возьмешь?

В общем, слово за слово, обменяли мелочишку, без хлеба на зимовке туго, Кара — она золото только зимой отдаёт. Летом приходится плотины

делать, и мыть, мыть и мыть. А хлеб только в 150 километрах отсюда, не наездишься.

Дальше отряд свернул в сторону и вышел на лед Шилки гораздо ниже по течению от места, где стоял бывший рудник. Береженого бог бережет, решил Илья, хотя не он договаривался с ушкуйниками и старателями. Он того, что командир здесь, виду не показал. Он, хоть и казак, да гимназист бывший. Отец и сам офицером был, и сыновей для службы в офицерском составе учил. Говорил Ерофей, самый пожилой из состава команды. Лучший пулеметчик отряда. Вот и сейчас он развалился на крайних санях, держит под тулупчиком две фляжки от мороза. Всем хорош «максим», да вот зимой вода в кожухе замерзает. Само путешествие по замерзшей реке — занятие не самое безопасное: на льду ты как на ладони, да деваться некуда! Предстояло пройти 140 километров, чтобы обойти заставы белых. Да еще у Кудечи, слева, большой рудник, тоже золотоносный. Он законсервирован, но там могут квартировать войска. Так что обходить его придется по старому руслу Шилки. А это крюк, километров двадцать.

На обходе обнаружили заслон. Холодно! Вот они костерком и воспользовались. Шестеро пошли обходить его и взяли в ножи юнкеров, которых Колчак загнал партизан сторожить. Дальше — проще, на железке творилось черте что, кассы принимают только «сибирки», но пара «катенек» решили все проблемы с погрузкой и теплушкой для личного состава. Ну, горло сорвать пришлось, да пальнуть в небо из старого «кольта», чтобы гражданские сообразили, что платформу, два вагона